

Игорь ТУЧКИН

Рулетка

(рассказ)

Старик не мог сидеть выпрямившись — уставал. Он наклонился вперед, опираясь согнутыми руками о колени, и совершенно ни о чем не думал, а только смотрел безучастно на плохо вымытое окно, в стекла которого тихонько от слабого ветерка скреблись молодые ветки тополя, загораживающего больничную палату от солнца.

Деда никак не хотели пускать к умирающему внуку. Лишь после того, как он ловко засунул последнюю пятитысячную купюру в нагрудный карман халата дежурного врача, тот чуточку растерянно произнес:

— Идите и посидите там минут пятнадцать-двадцать. Только будьте готовы ко всему, жить-то ему осталось совсем ничего. Мужайтесь. Все под Богом ходим.

Наконец, старик глубоко вздохнул и на мгновение повернул голову к койке, на которой лежало под прикрытой простыней — на лице марля — тело внука Мити. Даже не тело, а скелет, и было чуточку удивительно, куда подсоединяли шланги от капельниц и провода, уходящие за стену к какому-то прибору в процедурной. Вся эта роскошь: и одноместная палата, и медицинские причиндалы, и лекарства, и также все-все остальное куплено за деньги, которые старик хранил втайне от родных себе на смерть. А сейчас вот ни денег, ни родных. Гол, как сокол, и одинок. Он еще раз взглянул на марлю, которая еще несколько минут назад казалась словно испачканной в чернилах от проступающего синего цвета лица внука, а тут на глазах начала бледнеть. Цокая каблучками, в палату вбежала далеко немолодая медсестра. Встала между дедом и кроватью и, чуточку наклонившись, быстро и умело начала освобождать умершего внука от шлангов и проводов, затем повернулась к деду и сухо, без тени сочувствия сказала:

— Все, ждате больше нечего. Идите. После обеда позвоните, мы скажем, когда можно будет забирать тело.

В голове у деда все кружилось. Он с напряжением встал и, медленно переступая ногами, двинулся к двери.

— Халат тут оставьте. Я его заберу, — сказала медсестра. Он с трудом снял халат и положил на табуретку.

Старик как-то машинально шел по коридору, никого не рассматривая и ни к чему не прикасаясь. Он здесь все знал, и ничего удивительного в этом не было — два раза тут спасали его Митю от передозировки, а вот в третий не смогли. Наркотики уничтожали внука на глазах, и настал момент, когда медицина сложила руки.

На улице было празднично от весеннего солнца, еле слышно шелестели листьями тополя. На плохо выкрашенной скамейке, стоящей неподалеку от больничного крыльца, лежала рыжая кошка с двумя котятками. Старик присел рядом, кошка спрыгнула на асфальт, котятка — за ней. На этой скамейке дед тоже не раз сидел и вроде бы даже как-то сроднился с ней. Сейчас идти ему никуда не хотелось. В пятиэтажной «хрущобе» его ждала абсолютно пустая однокомнатная квартира. Пару лет назад она была полной чашей: и мебель, и электроника, и книги... Месяц за месяцем все имущество вынес внук, по дешевке продавая за «дозы». Дед ему не перечил, а что делать, от этой «заразы» никак не избавиться. Ничего не помогает, ни лекарства, ни гипноз, а ведь был парень «отличником» в университете, кандидатом в мастера спорта по баскетболу, да только все пошло «коту под хвост». Словно черное заклятье опустилось на их род.

От инсульта умерла невестка, также как и ее свекровь, жена старика, а он раньше думал, что инсульт — мужская болячка. Вслед за женой ушел в мир иной сын. Запил. И скончался, сердце оочурилось. Тут более-менее старику было ясно — наследственность. Если сам он в свое время смог остановиться, то сыну не удалось. А теперь вот Митя...

Старик закрыл глаза и откинулся на спинку. Он не хотел никаких воспоминаний, они сами явились, как старое кино. Стремительно замелькали кадры.

* * *

... — Вот и все, — облегченно вздохнул журналист, с размаха захлопывая расхристанную дверцу кабины. Он не просто улыбался — весь светился. Его глубоко посаженные под почти бесцветными бровями серые глаза нежно и преданно смотрели на Сурина, как на неожиданного благодетеля, разом повернувшего жизнь в светлую сторону. — Эх, успеть бы до темноты на трассу. Всю ночь буду работать. Материал — конфетка. Писать, писать и писать... — он снял и засунул лохматую шапку за спинку сиденья, расстегнул пуховик и с наслаждением вытянул ноги в заснеженных унтах.

— Успеем, — помедлив ответил Сурин, глубоко вздохнул и отпустил сцепление. — В апреле темнеет поздно. Да и погода ветреная. Ночевать будем дома, ежели вдруг ничего серьезного.

Солнце только намеревалось склоняться к западу и, отражаясь от голых белоснежных вершин сопок, моментами прямо слепило. Сурин надвинул на переносицу темные очки, искоса глянул на пассажира. Тот в тихом блаженстве откинулся назад и запрокинул голову. На его тонкой ребячьей шее вздрагивала белая кожа.

«Финкой бы, и всего делов-то», — со злобой и безнадежно подумал Сурин, прекрасно понимая, что вот так — ни за что ни про что никого не кончал и не кончит. Рука не подымется. Да и во имя чего такой грех на душу брать самому, или есть во имя чего? Однако пусть все идет своим чередом. Какой-то конец все одно наступит.

Взглянул в зеркальце заднего обзора и еще раз увидел лагерную вышку, чем-то похожую на башенный кран, только без стрелы. Затем вышку заслонили две высокие сосны-красавицы с пышными, но аккуратными кронами. Они смотрелись небывалым чудом в низкорослом северном лесу, отчего не верилось, что они могли вырасти сами на холодной каменистой земле. Однако факт оставался фактом...

А чтобы понять, лучше попробуй-ка поброди по колючей чащобе, пообдирай руки и щеки, и начнешь натывать на широкие замшелые пни. Вот тогда осознаешь, что люди во имя каких-то своих возвышенных или корыстных целей вывели великолепный строевой лес. В возвышенном потомкам не разобраться, а корысть она как на ладонке, разглядывай сколько влезет. Только не забывай, люди спасались от жгучего холода — из вековых сосен они срубили лагерные бараки. Сколько лет прошло, а они стоят и еще долго будут стоять, пока не случится нечто непредвиденное, как внезапный пожар, от которого исчез поселок для обслуги, выгорел вчистую. Пепелище густо поросло брусникой, до которой еще никто не добирался. Сурин машинально пощипал словно венозной кровью налитую ягоду, но в рот не положил — дрогнула рука, и посыпались в белесый мох созревшие бусины. Чего

удивляться — не этого ожидал, но уже приученный жизнью к внезапным оплеухам, вроде бы глубоко не опечалился. Царапнуло иное — ничего не шевельнулось в памяти, не зазвенело в душе.

С легким болезненным раздражением подумал, что зря добирался сюда — родина тоже оказалась пустырем, как и вся его судьба-житуха, посыпанная золой, но вешаться из-за этого на красавице-сосне опять же было как-то не с руки. Потоптался по-медвежьи, приминая брусничник, и от нечего делать решил поискать дорогу до второго лагеря-призрака Зорового-бис, о котором так подробно и, в целом, интересно толковал волосатый трухлявый бич Сашок.

Опыта в поисках пути Сурина было не занимать — пошел кругами по спирали. Второй шире первого на сто шагов. А вот когда двинул на третий — открылась просторная поляна. Осмотрелся — кладбище. Кое-где сохранились деревянные кресты и проржавевшие железные памятники с отвалившимися звездами, а на большинстве бугорков-могил торчат облупленные столбики с затесанным верхом. На зачищенном месте — догадался Сурин — писали химическим карандашом или вырезали ножом фамилии, а может, номера, но бесчисленные северные дожди давным-давно смыли все буквы и цифры, и безымянными остались в сырой холодной земле бедолаги. В правом углу кладбища высилась, будто пирамида, гранитная глыба, на ровном левом углу которой проступали какие-то древние иероглифы. Осторожно, с неясно-тревожным томлением-предчувствием Сурин пятерней содрал липкий мох и неожиданно прочитал свою фамилию. Имя — Сергей, отчество — Васильевич. Словно в лоб стукнуло, дыхание перехватило. Когда наваждение схлынуло, будто дурь, понял, что вышел на могилу отца, ведь самого его зовут Василий, а отчество — Сергеевич.

Вытер о штаны взмокшие руки и присел на мшистый бугорок, как тугой волной толкнуло — поперли воспоминания, о которых и не подозревал. Мрачный смрад, карболка и моча, как в задрипанном привокзальном туалете. Поплыла перед глазами зыбкая пелена, сквозь которую беспощадно, по-звериному смотрели злые, широко раскрытые немигающие глаза худых, наголо остриженных людей... Долго он просидел на том мягком бугре.

В детстве мать не раз объясняла Сурина: отец погиб на войне в Курской битве, где похоронен — неизвестно. Аккуратно промокала розовым платочком слезы на глазах, отвернувшись в сторону, затем не совсем умело переводила разговор на другую тему. И каждый раз ему чудилось что-то недосказанное, какой-то тайный стыд. Одно время он даже подозревал, что отец там, под Курском, сдался в плен немцам, но сказать матери о своих подозрениях не решался. Уже подростком как-то предположил, что отец бросил их ради какой-то необычайно красивой женщины, именно необычайно, потому что мать была красавицей. И эта мысль тоже, кстати, невысказанная, помогла проще взглянуть на второй брак матери. Она вышла замуж, когда он поступил в суворовское училище. После ее замужества они встречались уже реже и с легкой прохладцей. Неудивительно: у нее появились новые дети, потихоньку-помаленьку потеснившие в ее душе нежные чувства к первенцу, тем более, что он находился за тысячу километров от матери. Нельзя, конечно, сказать: с глаз долой — из материнского сердца вон. Она присылала ему посылки, иногда деньги — отчим неплохо зарабатывал. И все же Сурин еще с отроческих лет осознал и понял, что заботиться о себе ему придется

самому. И вот здесь-то у него не слишком удачно пошло-поехало, по-доброму не складывалось. Из армии отчислили старлеем — подвело откуда-то взявшееся повышенное давление. Два раза женился. От первой бездетной супруги сам ушел, вторая бросила его, куда-то смылась вместе с сынишкой по банальной, в общем-то, причине — начал Сурин выпивать и довольно крепко, не мог тормознуться, а пьяный зверел, словно некормленный пес. Однажды вернулся из больницы, где его пытались вылечить от запоев — в квартире пусто. Крутой, решительной бабой оказалась вторая жена.

И пошустрил он по необъятной державе. Как в известной в те времена, ныне позабытой песне: «А жизнь меня по всей земле бросает, под стук колес ко мне приходят сны...» Мантурил сварщиком и высоковольтником, шоферил, командовал бригадой бетонщиков на стройках сибирских ГЭС-ов. И шестерил, и бугрил. Начальство ценило его за немедленную готовность к любому риску, одержимость делом и безотказность. Братва уважала за бескорыстие и справедливость.

— У Сурина единственный недостаток, — заметил на одном из производственных собраний какой-то начальник, — он не ворует.

Зал покатился от смеха, потому как один широко распространенный изъян все же имелся. Запой. Как ни крепился, как ни держался, но настаивал момент, когда все окружающее осточертевало, и он отправлялся в магазин за бутылкой. А потом брал расчет и уезжал куда глаза глядят. Отходил, словно выплывал из омута или трясины в дороге, в поездах и самолетах. Когда окончательно трезвел, то крутил головой — удивлялся, как это ненароком не прирезали, не скинули под вагонные колеса.

Из последнего в своей жизни запоя выкарабкался в Березове, в старинном селе на широкой Оби. Тут, говорят, раньше имелась могила Меньшикова, денщика Петра Великого, да река однажды подмыла захоронение и все, что там хранилось, унесла в Ледовитый океан. Что поделаешь — судьба. Пили вдвоем. Собутыльником в этот раз оказался бич Сашок, весь заросший грязным волосом и омерзительной коростой, никогда не мытый и забывший свой возраст. С ним и колобродил день-деньской Сурин, мыкаясь по просторным с деревянными тротуарами деревенским улицам, а ночи проводили на скамейках речного вокзала, чаще — под ними на заплеванном полу.

Выпив с утра натошак самогона, Сашок, запинаясь, начинал вспоминать востину нереальную фантастическую жуть, как порешил первую жену и отрезал у мертвой уши, потому как в них висели даренные им золотые серьги, как за один вечер выиграл у вора в законе Червя пятьдесят тысяч — сумасшедшие по тем временам деньги — и ушел живым. По разговорам бича выходило, что Союз он знал почище Сурина: и в Магадане золотишком баловался, и в Дудинке лес грузил, и в Тайшете сидел, и отары у ингушей пас...

Случайно, а может по наитию, Сурин спросил и словно в десятку попал:

— А в Зоревом что вершил?

Бич отхаркался и смачно сплюнул темную зелень в мутную с нефтяными разводами речную воду.

— В Зоревом, говоришь? Так я там срок тянул и рельсы. Шпалы в землю вкладывал, только не в том, что ты назвал, а в Зоревом-бис. Тоже зона. Километров двадцать пять насыпи между нами пролегло. В Зоревой нас по этой самой насыпи кино смотреть возили.

— Далековато вроде бы. У вас что — своего клуба не было? — спросил Сурин.

— Далековато, говоришь? Далеко, да интересно. Название кино, а по делу — бой гладиаторов. Ты историю со школы, случаем, не запомнил?

Бич в упор посмотрел маленькими круглыми, словно у курицы, глазами, застывшими как протезные, под седыми взъерошенными бровями. Зевнул, открыв беззубый рот и блеклые изъеденные морщинками губы, невидимые ранее из-под растрепанных усов и бороды. Из рта гнусно пахло.

— Древнего Рима что ли? — спросил Сурин, брезгливо отвернувшись. Сашок, как и многие бичи, оказался далеко не прост.

— Вот-вот, пятерку тебе ставлю. Значит, знаешь крутую забаву для этих... патрициев, — обрадовался бич, потом снова задумался и добавил: — Плебеи тоже ходили. Чернь. Хлеба и зрелищ. В Зоровом сидели «воры», у нас — «враги народа». Как седмица, воскресенье, подойдет — набьют по двадцать человек в полторку, и айда развлекаться. Подкатим к воротам Зорового — там уже «воры» ждут с нетерпением. У каждого в рукаве «перо» или заточка. У нас тоже припасено, не нагишом в гости заявились. И душа горит, пылает ярким пламенем. С машины спрыгнешь и — прямо в фильм. Конвоиры, падлы, умирают на вышке со смеха. Вот ведь представление: всем на удивление. Потом видят — народу заметно полегло. Из автоматов в воздух построчат — «воры» по баракам. Пройдет время, глядишь, их к нам приволокут. Такое вот хреновое кино. Спектакль на природе. Придумал его Суровый, начальник лагеря Зоровой. Пусть, мол, преступный мир сам себя уничтожает. У него еще одна кликуха имелась — Сурук. А фамилия — Сурин.

Вот тогда именно протрезвел навсегда и до скончания века Василий Сергеевич. Слово топором обрубил. В тот же день распрощался с Сашком, оставив ему на похмельку непочатую бутылку, забрался в самолет и с Богом. Полетел родину искать. На последние деньги, что еще звенели по карманам, с горем пополам, но добрался-таки до места, где на свет появился. А может, лучше бы не добирался? Вот ведь как в начале закружило. Остолбенел весь, захолодел. Но зато потом, когда отлегло и отошло, помаленьку очнулся. Огляделся вокруг, залюбовался — показалось место, не приходилось таких еще видеть: темные дикие скалы, а на крутых острых склонах их — нежная зелень упругих лесов. Ни во сне не увидишь, ни в сказке не услышишь. Свистят-посвистывают пичуги, словно подсказывают: забудь про горе горемычное, живи-поживай, деньжат наживай. А над всем этим чудом — трепетно-голубое, словно детские глаза, северное небо. Хорошо и славно. Именно тут, у могилы отца, пришло внезапное решение: никуда дальше не трогаться. Хватит, помотался, пора якорь бросать. Не все еще пропито. Подумал так, крутанул головой и перекрестился.

Ему сразу повезло. В пяти километрах по холодной и прозрачной речке, которая неслась как разорвавшийся ребенок, по осклизлым камням, он вышел на лагерь геологов. Молодые, пышущие здоровьем и веселые, в общем-то, парни, заросшие щетиной, оказались слегка озадаченными, если не сказать, что горевали: уволился водитель гусеничного вездехода. Разругался, разорался и плюнул на свои производственные обязанности. Явление Сурина с колодой всевозможных шоферских прав расценили как подарок судьбы. Тут же приняли его в свою компанию и плес-

нули в кружку спирта «за удачу», но Сурин твердо и решительно отказался, чем окончательно отменил все сомнения в его надежности и необходимости.

Геологи искали никель, но им, как на грех, не фартило. По научным прикидкам вроде бы должно быть, а на деле — ничего. Практика не подтверждала теорию. Через два года они окончательно снялись из района бывших лагерей, которые — а этому Сурин, надо отметить, немало удивлялся — геологи обходили стороной, словно какая-то неведомая сила отталкивала нормального человека от проклятых мест.

Сам он успел тут обжиться довольно основательно: срубил небольшую избушку невдалеке от старой зоны, подгрел к стенам песок и обложил все дерном. Получилось отличное зимовье, в котором не страшны ни пурга, ни морозы, а в июльскую жару, если изредка случалась такая, прохладно. От геологов не оторвался, перешел на главную базу в том же качестве — водителем. Два раза в год, когда уж чересчур все вокруг темнело — первый признак приближающегося застоя, — брал отпуск и выезжал в собственные уголья.

Кроме Сурина, там никто более не маячил. Стрелял птицу на озерах, зимой — шустрюю белку, если попадался — песца. Рыбачил только на удочку, сетями брезговал, не пользовался. Жилось вольготно, дышалось легко и свободно, душа пела, особенно по утрам.

А когда охота и рыбалка приедались, откладывал он ружье и спиннинг в сторону и уходил на целый день в лагерь, пропитанный особым пресным запахом высушенного старого дерева. Бродил меж приземистых вместительных барачков по прежнему плацу — ныне просто широкой поляне с цветущим иван-чаем. Так же не торопясь, поднимался по скрипучим ступеням на вышку у двух сосен.

Долго стоял, вначале ничего не думая и не видя окружающего мира, будто настраивался, как приемник на волну. Затем представлял, как подъезжают, сигналивая, запыленные грузовики из соседнего лагеря, как рвутся с цепей, захлебываясь злой слюной, сторожевые овчарки у проходной, как гудит в предвкушении кровавой потасовки толпа блатных за забором из колючей проволоки. А его отец, могучий и стройный, глаз-алмаз, опираясь вот на эти теплые поручни и ощущая за спиной горячее возбужденное дыхание подчиненных, дает взмахом командирской руки знак открыть ворота.

На Сурина, как в первый раз, накатывало нечто невыразимое и непонятное. Все в душе падало и холодело, как под ледяным душем с похмелья, и он никак не мог понять — сладко ему или очень плохо. Наконец, наваждение отходило, освобождало душу.

Вспотевший, как от непосильной работы, с нервно тукающим сердцем, спускался он по ступенькам вниз и, будто старик, усаживался отдыхать на пенек. Покурив, поднимался и не спеша шагал к могиле отца, долго стоял, положив ладонь на холодную гранитную глыбу. В эти тягучие и какие-то благодатные минуты ему очень хотелось молиться, но он не мог по простой причине: не знал ни одной молитвы. На какое-то мгновение становилось до слез жаль себя, отца, глаза застилала обида на злую и жестокую жизнь, непонятно как превращавшую обыкновенного человека в ничтожество или палача. И тогда он шепотом матерился. Уходил, как ни странно, умиротворенным, хотя в сердце стыла ледяным катышком мерзкая тревога. К чему бы?

И вот, наконец, ударили колокола. Пошло-поехало, покатилося смутное время. Во всех газетах и журналах начали писать об ужасах прежних лагерей, будто в теперешних медом кормят. Сурин испуганно и жадно читал все, что попадалось под руку. Долбила и свербила мысль: не дай Бог, доберутся, разберутся и нацарапают где-то об отце.

Но фамилия отца так и нигде не объявилась, не прошла. А разговоров и обсуждения прочитанного Сурин все равно избегал, и правильно делал, потому что народ ошалевал день ото дня все больше и больше. Люди мотались от коммунистов к демократам и обратно, а потом, поумнев, махали рукой на тех и других и влезали кто в коммерцию, кто в мафию, хотя, по правде, невозможно было разобрать, где кончается одно и начинается другое.

У Сурина тоже не получилось просто так посидеть возле сметаны и не лизнуть, но прежде он увидел чудный сон. Сразу не разгадаешь: стоит у раскопанной отцовской могилы их экспедиционный трактор-экскаватор «Беларусь», только вместо экскаваторщика Федора еле живой бич Сашок заглядывает вниз и кричит: «Мины!»

А поутру позвали Сурина к начальнику экспедиции Павлу Семеновичу. Говоря откровенно, начальник был единственным в мире, кого Сурин не то чтобы побаивался — уважал как человека, лучше его по всем ипостасям. Пожилой, сухощавый, постоянно спокойный и вежливый, он знал абсолютно все, что касалось геологической службы-работы. Павла Семеновича никто не мог обмануть, и не пытались даже связываться, потому как он сразу проникал в суть вопроса и тут же указывал, как его решить. Само собой считалось: с ним легко и тяжело одновременно — не боялся принимать решений и слушать других, зато и спрашивал по полной. За малейшее разгильдяйство лишал премий и тринадцатых зарплат, за более серьезные вещи гнал в шею с гундором, но тех, кто не жалел себя и пахал до седьмого пота, поощрял, и довольно щедро. А самое главное, зла на сердце не держал. Славный мужик. Как говорится, не дом красит хозяина, хозяин — дом. Не чужа за собой никаких особых грехов, Сурин вошел в начальственный кабинет тем не менее настороженным. Получив приглашение садиться, опуститься на стул, обитый кожей, не спешил.

Не глядя на него, подписывая какие-то бумаги, начальник спросил:

— Ты не пьешь?

— Нет.

— Это хорошо. Даже замечательно в нынешнее время, в наши непонятные дни, — Павел Семенович отложил ручку в сторону и внимательно оглядел Сурина, словно только купленный новый телевизор. — Предлагаю командировку.

— Куда?

— В Эстонию.

— А зачем?

— Поедешь один КамАЗ с прицепом. Там разгрузишься, и прямо домой. По рукам?

— О чем разговор. Солдат спит, а служба идет, — бодро ответил Сурин.

— Вот и хорошо, что сразу договорились. Ступай на базу к Плешакову — у него документы и деньги, а также все остальное. И последнее, — Павел Семенович еще раз окинул Сурина внимательным цепким взглядом. — Командировка ответственная, поэтому не желательна, а обязательна полная конфиденциальность. Не возражаешь?

— Нет.

— Тогда у меня все, — вроде бы облегченно произнес начальник и потянулся за авторучкой.

Плешакова Сурин, как и все остальные, недолюбливал. Не потому, что тот слыл пьяницей-снабженцем и болтуном — другие не лучше — от него прямо несло, как с помойки, отчетливым криминалом. Сделав над собой внутреннее усилие, чтобы скрыть неприязнь, Сурин заглянул в грязную снабженческую каптерку. Хозяин оказался на удивление трезв и деловито объяснил, что требуется от водилы: утром встать пораньше — в 4 часа, на дежурном автобусе выехать на трассу и там, немного обождав, встретить свой геологический КамАЗ. В его кабине будут двое из соседнего городка: один тоже водила, второй — пассажир, который знает маршрут. Сурин напеременку с чужаком порулят, а третий их развлекает. В такой дружной веселой компании пройдет все путешествие. Полный расчет по окончании турне. «Бабки» светят приличные.

Плешаков снабдил Сурина командировочным удостоверением и товарно-транспортной накладной, где груз обозначался ломом цветного металла.

Получилось как по маслу. Доехал к сроку, разгрузились. Когда мостовой кран убрал сверху связки кабеля, на дне кузова и прицепа оказались темно-серые с матовым отливом никелевые «чушки». Так вот почему нужна конфиденциальность... И Плешаков как-то стал понятней: вор на вора — не челобитчик.

Обратный путь прошел тоже без приключений. Сурин уже сошелся с коллегами: оба оказались порядочными людьми, имели семьи, не пили, разговаривали осторожно, без мата и анекдотов. Блюли закон: не лезь, не бойся, не проси. На подъезде к родным пенатам третий, что негласно оказался в роли «бугра», протянул Сурину пачку денег в банковской упаковке. Тот, не пересчитывая, сунул ее во внутренний карман куртки. Дома распечатал и пересчитал — оказалось как раз на «жигуленок». Чего скрывать — повеселел. Деньги спрятал по-бабьи — сунул под бельё в шифоньер.

Затем катался таким образом в суверенное государство еще три раза, и лишь на последнем рейсе случилась неприятность — на задней оси прокололи оба ската. Пока ремонтировали, упустили время. Эстонскую границу обычно проезжали ночью по средам — на пункте с той и с другой стороны дежурили свои — а тут вышла неувязка.

Заночевали прямо на трассе, в кабине, спрятав «пушки» за пояса. Наутро доехав до ближайшей деревни с телефоном, тормознули. Попутчики отправились дозваниваться и получать новые ценные указания, а Сурин еще раз тщательно осмотрел груз и все скаты.

Вернувшись к кабине, увидел у подножки чумазого пацана лет пяти-шести.

— Чего, парень, ищешь? — добродушно спросил Сурин.

— Дай поесть, — сказал малыш, бледный и худой.

Ни слова более не говоря, забрался Сурин в кабину, вытащил всю дорожную снедь: хлеб, ветчину, сгущенку — сложил в полиэтиленовый пакет и протянул мальчику. Тот также молча прижал к груди увесистый подарок и припустил, аж пятки засверкали, вдоль большака на край деревни. Когда рассказал вернувшимся товарищам, куда делась вся провизия, они только усмехнулись. «Бугор» поинтересовался:

— У самого, наверное, внуки, вот и жалеешь их, короедов?

— Да вроде бы один имеется, — неловко соврал Сурин, потом за рулем вспомнил свой ответ: покрутил головой, а ведь в самом деле, по возрасту должен бы быть. Может, на деда похож.

Скопившиеся за поездки деньги из шифоньера отнес в оказавшийся впоследствии жульническим банк «Селенга», где они потом благополучно пропали. Сурин особо не расстраивался. Бог дал — Бог взял. «Халявные бабки» ни у кого из его знакомых тоже не задерживались.

А дела в конторе шли все хуже и хуже, как и по всей стране. Зарплату не платили, работы свертывались, мало-мальски ценное оборудование и техника уплывали куда-то на сторону, люди увольнялись и разбегались. А что поделаешь — смутное время. Плешаков же неожиданно пошел в гору: стал замом у Павла Семеновича, одновременно открыл какую-то коммерческую фирму, торговал водярой и сахаром. Кто был ничем, стал всем. А Сурин никуда не метался, плыл себе по течению, все одно куда-то прибьет — конец настанет.

Вновь его позвали к начальству. Павел Семенович сильно сдал: густо пошли седина и морщины. Укатали сивку крутые горки. Внутреннего трепета перед начальством не ощутил, тот вроде бы сам винился в разговоре.

— Увольняюсь я послезавтра, — сказал он, вертя авторучку меж пальцами. — В тот же вечер отчаливаю. Контейнер уже отправил.

— К семье? — спросил Сурин.

— Как и у тебя — у меня ее нет. Квартира в Луге пять лет дожидается. Приеду — осмотрюсь, может, и женюсь. Такие вот дела. Но все это лирика, а теперь о главном. Как смотришь на то, чтобы со мной в поезде прокатиться до Питера?

— Зачем?

— В качестве компаньона. Чтобы не скучать в дороге. Заплачу.

— Это можно, — сразу согласился Сурин. — Все равно без дела околачиваемся.

— Тогда выписываю командировку. Забросишь документацию проектантам, хотя нужна она им, как коту карман. А нам какое дело. Была бы причина.

Сурина было понятно, что берегся на всякий случай начальник — видимо, вез какие-то ценности, не милицию же нанимать для сопровождения. А на душе стало приятно — вишь, как тебе доверяют.

Легкую безотчетную тревогу Сурин ощутил уже на вокзале — вроде бы и билеты на месте, и багаж, и поезд не запаздывает. Но отчего же в загрузке покалывало легонько, будто щекоча?

Места у них оказались в плацкартном вагоне — две нижние полки друг против друга. Может, пожадничал начальник — пожалел «бабки» на купейные места, может, просто билетов не оказалось, а может... И вот именно третье, самое вероятное — поосторожничал на всякий случай, ведь плацкартный вагон будто открытое место, тут, как кроме в туалете или тамбуре, никого не зажмешь втихаря, не то что в купе — и послужило скорее всего главной причиной предусмотрительного выбора Павла Семеновича. Так про себя решил Сурин. Но от судьбы, как ни берегись, не уйдешь.

Вагон оказался забитым до упора, ехали, в основном, пенсионеры по своим стариковским делам, молодые мамы с ребяташками, но попадались и мужики. Заснули поздно, сами рассказывали байки и анекдоты, слушали попутчиков.

Перед самым сном Павел Семенович выдернул из-под подушки приличных размеров черный кожаный «дипломат» и протянул Сурина:

— Спрячь у себя под полкой. У меня все забито — сам видел.

Сурин незамедлительно выполнил просьбу, после чего заснул, словно в яму провалился. Очнулся от истошного женского вопля над головой. Открыл глаза и в полумраке разглядел спросонок склонившуюся или даже припавшую к начальнику постороннюю темную фигуру. Через мгновение, когда окончательно схлынул сон, разглядел, что неизвестный выдергивает руку из-под полки с лежащим на ней Павлом Семеновичем.

Все происходило в доли секунды: склонившийся над Павлом Семеновичем человек вытащил руку из-под полки и выпрямился, но и Сурин, собравшись духом и телом, с размаха обеими ногами вдарил неизвестного в поясницу, отчего злоумышленник, оказавшийся невысокого роста, как мячик, стукнулся о металлическое ребро обналочки прохода и упал на пол. Из разбитого лица его темной водой хлынула кровь. В соседнем купе заверещали. Сурин и парень с верхней полки коршунами ринулись на неизвестного, заломили необычайно сильные руки назад.

Во вспыхнувшем свете Сурин разглядел по-обезьяньи оскалившееся разбитое лицо вора. Вроде бы где-то встречал его. Прибывшая вместе с проводником охрана поезда отобрала у них нарушителя, который окончательно пришел в себя и материл всех окружающих, угрожая страшной карой каждому. Поезд начал тормозить — приближалась какая-то станция, и только тут Сурин взглянул на Павла Семеновича, который смиренно лежал с перерезанным горлом. Все стало на свои места. Рок головы ищет.

Далее события разворачивались не по лучшему варианту. То ли наручники на грабителя не надели, то ли плохо застегнули, но только в тамбуре за несколько минут до остановки поезда отпихнул он проводника от раскрытой двери и кубарем вывалился на платформу и ринулся через соседний путь как раз перед набиравшим скорость тепловозом, потерял мгновение — превратился в кровавое месиво. По делам и расплата.

Тело Павла Семеновича и вещи его перенесли на вокзал. Поезд тронулся. В штабном вагоне началось следствие. Два капитана милиции подробно опросили Сурина и всех остальных попутчиков, необычайно взволнованных увиденным злодейством и, соответственно, перенесенной душевной травмой. Про черный «дипломат» Сурин никому даже не заикнулся, словно не было его. В купе сняли со стен и полок отпечатки пальцев, после чего проводник их тщательно вымыл, но садиться на освободившееся место никто не решился.

В Питере, разыскав проектный институт и передав доставленные документы, Сурин на том же этаже закрылся в чистом, опрятном туалете и, не зная кода, перочинным ножом открыл замки кейса. Как и ожидал, тот оказался до упора набит пачками российских денег. Пересчитывать, конечно, не стал, наспех, на живую нитку, заделал замки, засунул кейс в сумку и вышел на стылую улицу, полную машин и трамваев. Вспомнил адрес знакомой, умотавшей с Севера еще несколько лет назад, к ней и поехал.

А среди ночи у Сурина поднялась температура — всего заколотило. Целую неделю он провалялся, как в тумане. Зазноба приводила каких-то докторов,

пахнущих приятным одеколоном, пичкала горькими пилюлями и шипучими настоями, пока он не пришел в себя. Окончательно очнувшись, попросил ее о последнем одолжении — поменять российские деньги на «баксы». Та и тут не ударила в грязь лицом: за три дня все спроворила. Пересчитав «зеленые» и отстегнув одну треть самоотверженной спасительнице, остальные засунул Сурин в две пустые банки из-под кофе «Пеле» и отправился в обратную дорогу.

На работу сразу не вышел, а, встав на лыжи, двинул в заповедные места — в лагерь. Разгреб снег у скалы на могиле отца, ломом отбил мерзлую землю у самого основания камня, засунул в ямку запаянные кофейные банки, предварительно перемазав их солидолом, и присыпал песком. Затем ветками замел все следы, но зря старался — ночью поднялась такая пурга, что всю его избушку снегом с крышей сровняло.

Когда объявился на работе, то оказалось, что Павла Семеновича уже похоронили. Его обязанности исполнял Плешаков, который при отчете Сурина о командировке смотрел куда-то вбок, ничем другим не поинтересовался и молча подписал авансовый отчет. Милиция тоже не беспокоила.

В одну из ближайших ночей Сурина опять посетил прежний сон. Вновь разрытая могила и «Беларусь», только бичара уже ничего не кричит, а деловито спихивает вниз, в яму, резиновыми сапогами гадюк, которые ползут оттуда. В холодном поту проснулся Сурин среди ночи, вспомнил, наконец, на кого похож вагонный душегубец. Точь-в-точь, словно Сашок, только помоложе. Мало этого, оказывается, встречал раза два его в каптерке у Плешакова, когда тот в снабженцах гулял.

А поутру в гараже к нему подошел сам Плешаков вместе с незнакомым длинным белобрысым парнем в пушистой енотовой шапке, сером пуховике и новых собачьих унтах.

— Представляю, — сказал Плешаков, обращаясь к парню, — Василий Сергеевич. Честь и гордость коллектива. Единственный у нас, кто доставит вас в срок и до цели. Заядлый, нет, профессиональный, прям-таки в масть, охотник и рыбак. У него там личный заповедник. Считаю, что он его уже приватизировал, только вот документы не оформил, еще не успел. Верно, хозяин?

Сурин осторожно и выжидательно улыбнулся, вытирая руки ветошью. А Плешаков продолжал навязчиво объяснять, но только уже ему одному, что областная администрация направила к ним отличного столичного журналиста, у которого ответственное задание от целого ряда европейских газет написать о том самом брошенном лагере. Оказывается, сейчас рассматривается интересный проект создания тут, у нас, туристического центра, и лагерь становится важной достопримечательностью. Дело прибыльное, отсюда архисерьезное. А с прессой геологи никогда не ссорились, жили дружно, в обнимку, а сейчас, когда она стала четвертой властью, ссориться совсем не с руки. Ее нужно любить и лелеять, не забывая о собственном имидже и рекламе.

Наотрез отказаться — было первым побуждением Сурина, когда он окончательно понял и осознал, что от него хочет этот говорун. Однако чуток повременил с отказом и правильно сделал, потому что дошло, что пошлют другого, который

доставит и привезет не хуже его самого. Заработать «на халяву» — желающих хоть отбавляй. И виноватить, кроме себя, будет уже некого.

— Хорошо, — ответил Сурин, стараясь не измениться в лице. — По рукам. За вами обоими магарыч. Коробка шоколадных конфет.

Хотел добавить, что на правой гусенице вездехода посбивался металлический «палец», соединяющий траки, и перед дальней дорогой его не то чтобы неплохо, а крайне необходимо заменить, но и тут вовремя спохватился и промолчал. Мысль о рулетке возникла позже в дороге, а в гараже Сурин даже обрадовался, что вездеход в пути может «разуться» — непредвиденная задержка.

Наивности — вот уж поистине детской уловке — он горько улыбнулся про себя, когда погнал машину на всю катушку. Пацан и есть пацан, годы ничему не научили. Ну сломается, ну починят — не бросят же в тундре московского журналиста. А дальше что? Мир не перевернется. Все равно доставят «пирата пера», и растрезвонит он по всем городам и весям про лагерь и могилу. Набежит новая свора, и чем все кончится — никто не знает, только хорошее нужно сразу исключить... Если решать, то совсем по-другому и круто — обрубить все концы, сжечь все мосты. До «тещиного» поворота, как раз на половине пути, по плотному апрельскому снегу, покрывавшему насыпь, добрались быстро и споро. Остановились перед самым поворотом.

Сурин вышел осмотреться. Справа крутой гранитный склон высокой сопки, слева внушительный валун, засыпанный снегом. Торчит из сугроба лишь гладкая проплешина, за которой обрыв метров пятьдесят. Ухнешь — долго будут кости собирать. Меж скалой и валуном, словно бетон, осевший снег. Летом Сурин тут свободно поворачивал.

«И сейчас левой гусеницей — на камень, правым фрикционом тормознуть — проедем, — прикинул он. — Не больно автородео. Где наша не пропадала».

Жадно, будто в последний раз, хватанул горсть апрельского снега, пососал катышок, окинув взглядом мир под ногами. В ложине среди приготовившихся сбросить снег елок стоял крупный лось, высоко подняв рогатую, словно колода, голову, и ловил весенние тревожные запахи. Ноздри его трепетали и вздрагивали. Он никого не замечал.

«Обратным путем на этом лысом камне ведь обязательно «разуемся», — пришло озарением хмельное и радостное предчувствие, — и вниз к лосю, к чертовой бабушке, в тартарары». Сурин взглянул на пассажира. Тот что-то чиркал в блокноте. «К чему тебе писанина?.. Загнешься, фраер, в расцвете сил, — отчаянно усмехнулся Сурин. — Вот тебе и гласность. Никто не поймет, что, как и почему».

До самого лагеря он не проронил ни слова. И когда остановились у ворот, не вышел из кабины — молча и безучастно смотрел, как бегают, увязая по пояс в снегу, среди барачков обрадованный журналист, как фотографирует все подряд и с разных сторон, как откручивает кусок колючей проволоки, размахивает, будто флагом, почерневшим котелком.

Все это семечки, одного боялся Сурин, чтобы ненароком не набрел докучный пассажир на могилки — тут за себя бы он не поручился. Хотя зачем грех на душу брать, пусть Бог рассудит.

А в голове все это время шевелилась тайная подлая мысль: выйти и заменить гнилой «палец» на гусенице. Крепился Сурин, сжался пружиной, не дал себя одолеть. После одержанной победы над собой никакого послабления не получил и вездеход. Гнал его Сурин, как ездовую собаку — скорость держал на пределе. Недалеко от «тещиного» поворота журналист завозился, засопел, наконец, заговорил:

— Ах, какие мы не предприимчивые. Да, случись такое на Западе, сюда давно бы пробили дорогу, возили бы туристов, брали бы большие деньги. Отель бы построили...

«Сейчас тебе будет отель, — яростно подумал Сурин, — с деревянной крышкой».

Вездеход птицей вылетел на валун правой гусеницей, и Сурин услышать не услышал, а кожей почувствовал, как не выдержал и лопнул, сломался злополучный «палец», «разулся»-таки вездеход, как змея соскользнула разорванная гусеница. Ревел дизель, отчаянно работая левым фрикционом, разворачивая машину через сугроб вправо, в пропасть.

— Шабаш! — облегченно закричал Сурин, закрывая глаза. И тут его подбросило. Задрав ноги, он ухнул на спину. Вездеход, словно вляпываясь в трясины, осел влево и назад, мотор судорожно дернулся, взревел последний раз и заглох.

Сурин открыл глаза. В лобовое стекло жарило солнце — катастрофы не случилось. Жизнь продолжалась. Прекрасная и удивительная. Машина просто-напросто утонула в размягшем под весенним солнцем сугробе.

Затратив немало сил и ловкости, поцарапанные, но живые, они выбрались с журналистом на волю.

— Теперь к вечеру домой не поспеем, — сказал Сурин, моча слюной палец и прикладывая его к ссадине на подбородке. — Хорошо бы завтра к обеду.

А про себя подумал: «Уволюсь на следующей неделе. Баста. Поеду сына искать... А может, и внука, как его... короеда».

И от этого простого и ясного решения душа сразу успокоилась, осталось только удивление, почему же раньше он не смог допереть остатним умом до самой реальной вещи.

...Воспоминания ушли также внезапно, как и пришли, но старик глаз не открывал. Прислушался. Совсем рядом разговаривали две девушки.

— Он скорее пьян.

— А может просто спит?

— Во внутреннем кармане пиджака у него точно мобильник. А может даже айфон.

— Давай проверим. Он не услышит. Заберем... и за больницу. Ищи-свищи.

Сурин открыл глаза и, к своему удивлению, бодро поднялся.

— Ну, брысь, руки оборву.

Девицы рванули в больничный сквер. Дед глубоко вздохнул и отправился домой начинать новую жизнь. В который раз...